ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

МОНОЛОГ ХУДРУКА НА ФОНЕ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА

ПИШУТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ. ЗАДУМЫВАЕМСЯ МЫ САМИ: ПОЧЕМУ ЗАКАНЧИВАЮЩИЙСЯ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН, ПЯТЫЙ СЕЗОН «СВОБОДЫ», НЕ ПРИНЕС НИЧЕГО, КРОМЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ? СЦЕНА ВСЕ РЕЖЕ И РЕЖЕ СЛУЖИТ ЧЕЛОВЕКУ ДУХОВНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ. А КАК ОНА НУЖНА ИМЕННО СЕЙЧАС! ОБЕСКУРАЖЕН, СБИТ С ТОЛКУ ЗРИТЕЛЬ, НАБЛЮДАЯ СОВРЕМЕННОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО: ЧТО ЕСТЬ ДОБРО, А ЧТО ЗЛО? ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО. ВЕРНОСТЬ СВОЕМУ ИЗВЕЧНОМУ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ — ВОЗВЫШАТЬ, ОБЛАГОРАЖИВАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ — ИСПЫТУЕТСЯ СЕГОДНЯ СОБЛАЗНОМ БЫСТРОГО И ШУМНОГО УСПЕХА, ПОГОНЕЙ ЗА КОММЕРЧЕСКИМ ПРЕУСПЕЯНИЕМ. ПЕЧАЛЬНО, ЧТО ДАЖЕ ТЕАТРЫ, ДАВНО ОТМЕЧЕННЫЕ «ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНЬЕМ», ПРИКИНУВ НА СЕБЯ МОЛОЖАВЫЙ ГРИМ, ПУСКАЮТСЯ ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ ЗА АВАНГАРДНЫМИ СТУДИЯМИ. НЕ ПОТОМУ ЛИ ПОСТОЯННО ОЩУЩАЕШЬ СЕБЯ КАК БЫ СИДЯЩИМ В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ ЗАЛЕ?

НО ДИКТАТ ОБЩЕГО ТЕАТРАЛЬНОГО КУРСА ЖЕСТОК. МАЛО КТО ОТВАЖИВАЕТСЯ ПЛЫТЬ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, СОХРАНЯЯ ВЕРНОСТЬ САМОМУ СЕБЕ. А ЕСЛИ СЮДА ПРИБАВИТЬ ОТНЮДЬ НЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ СТАВЯТ ВОПРОС РЕБРОМ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ!

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ МАТЕРИАЛ ПОМОЖЕТ ОЩУТИТЬ, КАК НЕЛЕГКО И НАПРЯЖЕННО СКЛАДЫВАЕТСЯ СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ОДНОГО ИЗ СТАРЕЙШИХ ТЕАТРОВ НАШЕЙ СТРАНЫ...

Дорогой Малый, пишу тебе...

ДОПУСКАЮ, многим покажется, что писать сегодня о Малом театре — занятие несвоевременное. Год назад последний раз опустился на его сцене занавес. Погасли огни, вырос унылый забор, отрезавший театр от городской суеты.

В 1824 году в здании, подаренном «златоглавой» купцом Варгиным, впервые поднялся театральный занавес. Скоро архитектор Тон, построивший в Москве Большой Кремлевский дворец, Храм Христа Спасителя, придал театру законченный классический вид, сделав его зодческой достопримечательностью Москвы. Сколько лет прошло с тех пор, сколько сменилось поколений? но по-прежнему Москва и Малый неразделимы. Да что Москва? По всей России гремела слава этого театра. Исписаны десятки книг — как и почему Малый сделался не только колыбелью русского драматического искусства, но и «вторым университетом», общественной трибуной. В России он был «больше, чем театр». Вереница поколений наших соотечественников образовывала здесь разум и душу! Малый — это Малый. Единственный. А единственное принято беречь особо.

Сегодня можно только гадать, сколько еще здание простояло бы целехоньким, если бы не опасное соседство цумовской громады, строительство которой явно нарушило баланс и без того капризной в этом районе Москвы земной тверди. Находясь внутри здания, особенно ясно ощущаешь, как ему досталось: пол в коридорах то «набирает высоту», то бежит «под гору». Словно какая-то адская сила искорежила стены, расписала их глубокими трещинами. Разумеется, специалисты определили состояние Малого как «критическое». Спасать здание приглашали немцев из Западной Германии. Скоро поползли тревожные слухи, что «инофирма» делает что-то не то и не так. И все это нашло подтверждение. Это «не то и не так» стало последнее время носить какой-то фатальный характер именно для объектов, жизненно важных для нашей культуры. Но, спрашиваете, меня, что «жизненно важное», а что нет. Не дай Бог, в доме пожар, каждый знает, что спасать в первую очередь, что во вторую, а ради чего вообще не стоит рисковать. Так вот, когда Третьяковки десять лет, как след простыл, и рассуждения об устройстве там суперсовременного диапозитария уже вызывают реакцию, похожую на тихое бешенство, когда вместо обещанного «старого МХАТа» мы получаем «якобы старый» с просторным буфетом, невольно думаешь: кто следующий? По логике вещей, следующим следовал Малый...

«Мы из театра не ушли. Дали себе слово оставаться в нем до конца, как бы там дело ни пришлось. Кабинеты? Кабинеты? Сидим кто где, бок о бок со строителями. Литчасть, дирекция, бухгалтерия, костюмерные... Нашим техническим работникам надо в ноги поклониться. С утра до вечера они с тряпками и ведрами — все же валится, сыпется... И при всем этом ремонтном кошмаре в здании чисто. Вы спрашиваете: почему мы не перебрались в филиал? Да это бы значило, что Малый театр минимум на пять лет выпал из строя. Без хозяина дом сирота. Из этого я исходил. В мае — июне прошлого года, когда забивали новые сваи, внизу грохотало, а сверху падали куски штукатурки, мы находились в стенах театра в каске».

Теперь о фундаментом вроде все утряслось. Настали время других забот. Надо сохранить все: наше огромное хозяйство: декорации, костюмы, реквизит. У нас ценнейшая библиотека, театральные реликвии, которые требуют чрезвычайно бережного хранения. Мы надоедаем строителям, всюду суем свой нос, считаем старинные ручки на дверях и самих дверях, следим, чтобы везде были сохранены прежний цвет стен, чтобы все внутренние отделки соответствовали исторической первоосновы. При нашем дефиците все вырастает в проблему. Вот гримерная Елены Николаевны Гоголевой — это, маленький музей. Конечно, все можно было собрать, свезить и куда-то вывезти, законсервировать. Но ведь известно, как иногда печально кончаются такие «эвакуации». И потом мне греет мысль, что, оставаясь здесь, сберегая каждую мелочь, мы не даем уйти из этих стен живому духу театра...»

Монолог художественного руководителя Малого театра, народного артиста СССР Юрия Мефодьевича Соломина прерывает трескотня запущенного внизу движка. Окна его импровизированного кабинета выходят на Театральную площадь. Весеннее солнце несколько веселит унылую картину. Обшита досками квадрига Аполлона на фронтоне Большого театра. Внизу в такой же деревянной упаковке стоит памятник Островскому. Бог искусств на своей колеснице, устремленной в московское небо, и бог русской драмы, словно охраняющий спокойное достоинство Малого, — как заметно их сегодняшнее исчезновение из привычного пейзажа...

«Я внутренне горжусь тем, что занимаю это кресло в самое трудное для театра время. Худрукон я год, и год дет это сверхпотрясение в театре. Бедствие! Нет основной сцены. Только на одну треть загружены цехи: костюмерный, декорационный. Сразу возникает проблема: на что жить людям? А ведь у нас работают уникальные мастера: краснодеревщики, сапожники... Сложились целые династии. Я не могу поделить: вот эта труппа, а это технические службы. Нет! Есть один театральный организм, существующий для единой цели. И всем нам сейчас достается! Отбойные молотки, сварка, краска, кирпичи, цемент, весь этот ужас. Кажется, конца не будет. И все-таки мы видим — уже сейчас вырисовываются какие-то коридорчики, комнаты. Нет паркета. Его куда-то там продали. Теперь за границу очень модно посылать. Ну, хорошо, посылайте, но поймите же наконец — я так говорю не потому, что здесь работаю, — Малый театр один, это история наша. Да вы посмотрите в окно! Театральная площадь известна во всем мире, в олицетворяет она национальную культуру. Как везде это слово почитается — национальное! А у нас: в лесах Большой, в лесах Малый, на грани катастрофы Центральный детский театр. Ждали, ждали и дождались. Но я не понимаю! Мы же мощное государство! Не надо преждевременных соболезнований. И стыдно, что в течение года мы не можем привести в порядок одну из главных площадей страны. Дело не в средствах, дело в организации, обыкновенном желании это сделать быстро и квалифицированно...»

Капитальный ремонт в разгаре. Рабочие покрикивают: «Эй, осторожнее!» Но как удержаться и не посмотреть то, что обычно недосягаемо для зрительского глаза? Эти ходы-переходы под сводчатыми потолками, таблички у дверей: «Зал Островского», «Фойе Ермоловой». Как хорошо, что хотя бы в сфере искусства наши связи с историей все-таки не оказались разорванными, что Малый театр стремится сберечь в своих стенах великие тени прошлого. Здесь утвердилась главная идея русской драмы: нести в массы гуманную, демократическую мысль... Годы и десятилетия. Что они меняют? Что оставляют нетленным? Все смешалось в нашем театральном мире. Мы, как дети, набросились на конфеты в ярких фантиках, позабыв, что завтра и послезавтра сыты-то будем — хлебом...

«Последнее время Малый театр как будто исключен из зоны общественного внимания, — продолжает его худрук. — Мы в мертвом круге молчания. О наших спектаклях не пишет пресса, а если мы и упоминаемся, то вскользь. Сначала я не придавал этому большого значения. Ну, написали. Ну, не написали. Потом понял — напрасно. Ведь создается общественное мнение: «А-а, у них так, видимо, классическая застой продолжается, если когда — ни слова»...

Посмотрите, какой шумихой, рекламой сопровождаются порой весьма незрелые сценические опыты. Народ начинает ломиться, а через десяток спектаклей, глядишь, ползала заполнены солдатами Московского гарнизона. Но шум по столице прошел. Имена на слуху. Разве любая премьера у нас, в Малом, не может быть поводом для обсуждения? Ругайте, если заслужили. А ведь вместо принципиальной оценки нашей работы пытаются убедить только в одном: верность традициям — это не достоинство театра, это свидетельство его немощи. Это главное обвинение, выдвинутое против нас, оставляющее театр, так сказать, «на игре».

Вечной темой Малого — и мы не собираемся с ней расставаться — был человек, его душа, его страсти, но истинные, а не из области патологии. Большинство теперешних театров старается копировать Запад. Но получается чаще всего это плохо, потому что за образец берется не лучшее, а уж качество спектаклей...

Да недавнего времени я относился к этому спокойно. Я даже считал, что вереница новых студий, театров, сценических опытов добавит «свежей крови». И потом в конце концов все разберутся, кто есть кто. Но! А кто будет разбираться? Как человеку, особенно молодому и неискушенному, разобраться — где искусство, а где блеф, которым его пичкают?

Мы говорим об экологии воздуха, воды, пищи материальной. А духовной? Никого не заботит экология театра. Уродовать творчество Чехова, Гоголя, Достоевского, Островского только потому, что «я так вижу», ставить все с ног на голову, это — извините».

Я не согласна с Юрием Мефодьевичем, что «все идет своим чередом и никто не возмущается», хотя уверена, что если бы за океаном показали то, чем угощают у нас «юного зрителя», там родители бы подали в суд на устроителей подобных действ и наверняка выиграли бы процесс.

Однако будущее наших театров можно предугадать. Намавши оскомину на «кокоши-бинах», «утренних звездах», «наших Декамеронах», присмотритесь к тем, кто «стоит у ресторана» или стал жертвой одежного дефицита вроде лежкомовского Глумова, мы наконец зададимся вопросом: а есть что-либо новенькое? В конце концов все ремонты когда-нибудь кончаются...

Свою сцену Малый переместил нынче в Замоскворечье. «Ордынка», тоже просящая ремонта, маленькая, тесная, стала палочкой выручалочкой для актерского цеха. Увы, не для всего...

«Сегодня только тридцать процентов актеров заняты в спектаклях. А это ведь их хлеб, хлеб! И так у нас в стране актер, в том числе и «академический», стоит у черты бедности. Сто двадцать рублей! Мы в нашем театре решили, что нельзя унижать людей такой зарплатой. Что предприняли? Это наш секрет. Хоть немного — но повысили. Моя мечта добиться хотя бы двухсот рублей. Но далеко не всё в моих силах. Когда выбирали худрука год назад, против моей кандидатуры были двое. Сейчас, наверное, было бы больше. Люди ждут немедленных перемен. Не хотят реально оценить ситуацию. Оценить свои способности. Вот где для меня начинается самое мучительное. В труппе 130 человек. Занятость людей крайне неравномерная. Тоже что-то надо делать. Своего рода капитальный ремонт требуется, пересмотр творческих возможностей каждого. Кому-то я должен сказать: вот это я тебе обещаю, а этого у тебя не будет никогда...»

Проблемы, проблемы... Они отодвигали разговор о последней премьере театра, оставшей для нас все меньше и меньше места. Что поделаешь: сегодня вопросы экономические, социальные, творческие и строительные завязались в Малом в тугой узел. Надо набраться терпения, распутать его, пережить тяжелый момент без потерь. Беготня в коридоре: в костюмерной прорвало трубу. Все старое. Всему свой срок. Женщины бегают с ведрами и тазами, пока не приехали «аварийки». О, этот «храм искусства»!

Но — премьера! На Ордынке тогда и вспомнил. Спектакль о последних днях Романовых...

«Мы репетировали совсем другую пьесу, и вдруг завлит принес «...» Из архивов Сергея Кузнецова, молодого автора, непрофессионального, остаго, драматурга. Решили: кто, если не Малый, должен рассказать об этой очень трудной, противоречивой странице нашей истории. Мы сами стараемся понять и то время, и тех людей. Я чувствую на этом спектакле огромное напряжение зала. Для нас счастье, что нам сопереживают, думают, оценивают не только каждое слово, но каждую интонацию. Вы заметили: занавес закрылся, и стоит тишина. За эти считанные мгновения можно отдать все: аплодисменты — это уже другое. Мы рады, что сегодня можем рассказать правду о нашей истории. Будет ли такая возможность завтра? Поживем — увидим. Пять лет назад этот спектакль не мог состояться...»

Пока все живут этой премьерой. Но впереди — «Дикарка» Островского. Как знать, может быть, ее уже поклонят в здании на Театральной площади. Так еще уйма работы, но открыть сезон собираются нынешней осенью...

Пусть поскорее наступит этот вечер, когда они отыграют первый спектакль в старых родных стенах после всех испытаний, что разделили поровну. Уйдут зрители, и они соберутся вместе. И будут говорить Бог знает о чем, как все очень счастливые и очень усталые люди.

Тем, кто не попадет на этот спектакль, все равно будет приятно сознавать, что он состоялся. И, выскочив из метро на Театральную площадь, оно как-то спокойнее видеть фигуру Островского на бронзовом постаменте, огни, подсвечивающие театральную афишу. Стало быть, с Малым театром все в порядке. А Малый есть Малый. И этим все сказано.

Людмила БЫЧЕНКОВА.